

нәзік бір үнмен тіл қатып тұрады. “Қара қобыз” әңгімесінде Ықыластың баласына деген сағынышы Есілдің ақжал толқынымен тербеліп, ақ селеулер апалы – сіңілілердей бір – бірімен әлдейлеген әуенмен ұласып жатады.

Даралық стиль көркем әдеби тілмен тығыз қарым – қатынаста дамып, тұтастай бірлікте келеді. Жазушылар әдебиеттің сөздік қорын молайтып қана қоймай, өзіндік даралық шығармашылық мүмкіндіктерін байыта түседі. Жазушының тіл шеберлігінің дәрежесін белгілейтін даралық стиль қазақ лингвистикасында әлі толық зерттеу объектісіне түсе қойған жоқ. Көркем шығарманың тілі қаламгер стилінің бір қыры болып ерекшеленеді. Сондықтан да жазушының даралық стиліне: тіл, композиция, жанр, поэтикалық ырғақ, интонация, қаламгер өмір сүрген табиғи орта, ертеден қалыптасқан жазу машығы, жаңа айшықта өрілген стильдік жаңалығы деп танымыз. Таланттың дарынның тілдік сөз қорын, баяндау тәсілдеріндегі субъективтілік, стильдік нақыш пен бояу және т.б. алуан түрлі көркемдік элементтердің бірлігінен жасалады.

1. З. Қабдоллов. Әдебиет теориясының негіздері. – Алматы, 1970, 355 -б.
2. Р.Нұрғалиев. Күретапыр. – Алматы: Жазушы, 1973. – 273 б
3. Р.Бердібаев. Қазақ тарихи романы. – Алматы: Ғылым, 1979. – 240 б.
4. Ш.Елеукенов. Замандас парасаты. – Алматы: Жазушы, 1977. –320б.
5. Ж.Дәдебаев. Өмір шындығы және көркемдік шешім – Алматы: Ғылым, 1991. . – 208 б.
6. Н.Ақышев. Бейнелі тіл// Қазақстан мұғалімі. – 1989. №12. –15 декабрь, – 7 – 8б.
7. С.Досжанов. Ә.Кекілбаев тілі// Қазақ тілі мен әдебиеті. – 1996. –№5–6. –24 шілде, –96 б.
8. Т.Токбергенов Тәкен Әлімқұлов – Алматы. Рауан, 1992. – 126 б.
9. Т.Әлімқұлов. Сейтек сарыны. Повесть және әңгімелер. – Алматы: Жазушы, 1966. – 160 б.

В статье рассматривается мифическо – стилистические особенности в художественной прозе. Показываются их выражение в разных жанрах художественной прозы.

This article considers the mythical - stylistic features in art prose. Are shown their expression in different genres of art prose.

Г.Б. Маханова

ВОСТОЧНЫЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ АКЫНОВ ЮЖНОГО КАЗАХСТАНА КОНЦА XIX И НАЧАЛА XX ВЕКА

История литератур народов Востока дает богатейший материал для изучения вопроса литературных связей. Главное в этом вопросе не сами связи, как таковые, а значение этих связей для литературного процесса, развертывающегося в данной стране. Действие литературных связей является структурным элементом каждой отдельной литературы, то есть, прежде всего «внутренним» делом данной литературы.

Вместе с тем эти связи являются фактором, который создает известную общность двух или нескольких литератур. Трудно не заметить, например такой общности в истории литератур народов Ирана, Средней Азии и Казахстана в некоторые периоды Средних веков.

Условия и степень такой общности, самый ее характер, формы и границы могут быть чрезвычайно различны; кроме того, они изменяются в ходе исторического развития народов Востока. Общность может охватывать различное число литератур, само это число может изменяться так, например, если в древнюю эпоху в тюркской литературе наблюдалась некоторая общность с иранской литературой. То в новейшее время литературные связи Казахстана, распространившиеся на страны Востока, привели к образованию некоторых сфер общности с литературами иранской, таджикской, узбекской, киргизской, азербайджанской и др.

Сводит появление литературных общности к одному влиянию конечно

нельзя. Литературные связи могут выражаться не только в том, что одна литература берет что-либо из другой, но и в том, что она борется с чем-нибудь в этой другой литературе. Кроме того, общность может появляться в результате сближения двух или нескольких литератур, в процессе их собственного исторического развития. История восточных литератур дает материал для изучения самых разнообразных форм и границ литературных связей, для изучения последствий их в каждой отдельной литературе, для изучения путей связей, их механизма и, наконец, различных форм общности.

Литературные связи и взаимодействия представляют категорию историческую и в различных конкретных условиях имеют различную степень интенсивности и принимают разные формы. Как уже было отмечено В. Жирмунским: «Из фольклорных жанров, например, народный героический эпос обнаруживает в целом наименьшую степень проницаемости по отношению к международным влияниям, поскольку эпос представляет историческое прошлое народа в масштабах героической идеализации, воплощает в поэтической форме, говоря словами Д.С.Лихачева, понимание и оценку народом своего прошлого» /1, 113/. Напротив, международный характер имеют сюжеты многих дастанов, поэм, сказок, чему способствует чудесный и занимательный характер восточной литературы, отсутствие прямых национально-исторических и географических приурочений, характерных например, для местных народных преданий, и прозаическая форма, облегчающая пересказ с одного языка на другой и творческие постановки, связанные с местным колоритом, с приспособлением к другой национальной среде.

Казахская литература и Восток – проблема многоаспектная и сложная. На необходимость изучения ее обращал внимание еще Ш.Уалиханов, высказавший ряд суждений относительно трансформации некоторых сюжетов в казахских произведениях. Восточные связи казахской литературы в том или ином аспекте затрагивались М.О.Ауэзовым /2/, З.Ахметовым /3/,

Сатпаевой Ш.К. /4/, Кумисбаевым У.К. /5/ и др.

В далекие времена казахская земля была местом живого культурного общения между народами. Сейчас трудно установить, как протекало между ними духовное общение. Ясно, что кочевая жизнь казахов с ее воинскими доблестями и удалью оказалась весьма восприимчивой и благоприятной средой для сохранения, бытования, передачи из уст в уста героических и романтических сказаний других – соседних и дальних – народов. Известно, что в богатом казахском фольклоре, где сконцентрирована вся духовная жизнь народа, сохранены многие следы его культурных связей с другими народами, и, прежде всего с народами Востока.

Проследить эти связи, выяснить их характер и значение для развития казахского национального художественного слова – одна из задач данной статьи.

Историко-типологическую закономерность этого явления наглядно показывают аналогичные творческие переводы или «переклички» в литературах Ближнего и Среднего Востока так называемые «назира».

Ираноязычные литературы насчитывают с XII века большое число последовательных переработок таких традиционных сюжетов «романического» эпоса, как «Лейли и Меджнун», «Хосров и Ширин», «Юсуф и Зулейха» и др. Две первые из названных поэм, создания Низами (вторая половина XII века), известны в ираноязычных литературах вплоть до XIX века, каждая примерно в 20 обработках. С другой стороны средневековая ираноязычная литература имела на Востоке широкое международное влияние: отметим в литературах тюркских народов «Лейли и Меджнун» и «Фархат и Ширин» узбекского классика Алишера Навои (конца XV в.), «Лейли и Меджнун» азербайджанского поэта Физули (XVI в.), «Лейли и Меджнун» Шакарима Кудайбердиева и многие другие. Это же относится и к области средневековой бытовой новеллистики. Такие сборники занимательных и поучительных рассказов новеллистического содержания, как «Панчатантра», («Калила и

Димна») или «Повесть о семи мудрецах», в своих странствиях с востока на запад, из литературы в литературу, претерпевали поверхностные или более глубокие изменения, приспособляющие переводный сюжет к особенностям местной обстановки, быта и мировоззрения.

Интересные встречи традиций обнаруживает большое число произведений, в которых перепеваются темы и сюжеты героических и лирико-бытовых поэм, легенд, сказаний многих народов Востока. Говоря о поэтах-книжниках, освоивших восточную эпическую культуру и в духе «назира» перепевающих темы и сюжеты произведений народов Востока, М.О.Ауэзов писал: «Сюда относятся перепевы ряда событий «Шах-наме», «Юсуфа и Зулейхи», «Шахмарана», огромного количества лирико-бытовых поэм, таких, как «Лейли и Меджнун», «Сейфульмалик», «Бозжигит», «Зияда», «Шакир и Шакрат», «Мунлык и Зарлык», множество араб-иранских сказочных тем, разработанных в виде остросюжетных поэм или народных романов, исторических хроник, жизнеописаний, притч, преданий» [6,108-109]. Намеченные в фольклоре и развитые затем поэтами-книжниками связи казахского словесного искусства с литературой Востока в XIX веке начинают меняться и входят в новое русло. Здесь следует указать на значение таких факторов, как социально-экономическое развитие казахского общества, рост национального самосознания казахского народа, выдвижение из ее среды выдающихся мыслителей, просветителей и художников слова Шокана Уалиханова, Абая Кунанбаева, Ибрая Алтынсарина, развитие реалистической письменной литературы с утверждением в ней прогрессивного демократического направления.

Творчество поэтов, так называемых «книжников», выступавших в конце XIX – начале XX века, было связано с пропагандой образцов восточной литературы, переводами, публикацией, созданием на восточные сюжеты и мотивы стихотворений и поэм. Так, например, поэту Жусупбеку Шайхулисламову в 90-х гг. XIX века удалось издать в Петербурге, Уфе, Казани наряду с казахскими народными произведе-

ниями «Кыз-Жибек», «Айман-Шолпан», «Алпамыс», «Состязание Биржана и Сары», сочиненные им самим дастаны на восточные сюжеты – «Жусип-Зылиха», «Шакир - Шакират», «Мунлык - Зарлык», «Даригақыз», «Салсал», «Заркум», «Кербаланын шоли» и т.д. Шади Жангиров сочинил на восточные темы дастаны «Қисса қырық уәзір», «Хикаят Орақ Күлше», «Камаруз заман», «Төрт дәруіш» и другие. Поэты обращали внимание на общечеловеческие черты памятников восточной литературы и, интерпретируя их на свой национальный лад, стремились довести их до читателей и слушателей. В это время появились и казахские варианты восточных произведений, трансформированных в национальном духе.

Однако творческое наследие целого ряда поэтов конца XIX и начала XX века, оставивших след в истории казахской литературы – Нуржана Наушабаева, Макыша Калтаева, Шади Жангирова, Нуралы Нысанбайулы и других до сего времени не получило должного исследования.

Нуралы Нысанбайулы относится к ряду так называемых «книжных» поэтов, так условно была названа исследователями целая плеяда акынов конца XIX и начала XX века, основными особенностями которых являлась грамотность, знание не только родного, но арабского и персидского языков. Свободная ориентация в духовном богатстве ряда народов и создание произведений на темы из казахской жизни и на сюжеты распространенных, на Востоке произведений, заслугой «книжников» является их собирательная деятельность фольклора и письменной литературы.

Нуралы Нысанбайулы – один из крупных представителей казахской поэзии конца XIX и начала XX века, его произведения созданы в русле просветительских и гуманистических направлений национальной культуры. Уроженец Южно-Казахстанской области, детство и юность его прошли на берегу реки Буралдай, у подножья гор Казыгурт, Каратау – один из живописных уголков Южного Казахстана. Этот край испокон веков славится богатством материальной и духовной культуры. Здесь сохранились остатки древних горо-

дов Отырар, Сайрам, уникальные мавзолеи Арыстан-баб, Ходжа Ахмет Ясави и других. Легендарное прошлое края, богатство устной и письменной литературы родного народа не могли не оставить следов в жизни и творчестве акына.

Нуралы очень рано и хорошо познал свою среду. Он всю жизнь придерживался такого принципа, как «человеку можно отрубить голову, но нельзя лишать его языка».

Цикл стихотворений Нуралы посвящены воспеванию разума, общества: «Үйрен, шырақ, өнердің түгел бәрін» («Познай, светик, все виды искусства»), «Сөз айттым» («Мое слово»), «Ізгері зерек дұшпан жаман дастан» («Образованный враг лучше невежественного друга»), «Атамыз әр өнерді біледі екен» («Предок наш знал разные виды искусства») и др.

Кроме стихотворений им создан цикл своеобразных дастанов – «Сауда Ишан», «Жетім Құбыл», «Мұнлы Сейіл», «Зайтулы», «Ханым сыры», «Шакир-Шакират», затрагивающие самые разнообразные вопросы, проблемы жизни казахского общества.

Нуралы был акыном-импровизатором, выступал в поэтических состязаниях. В свое время Нуралы был популярен в народе, большинство произведений распространялось в рукописном виде. Часть его дастанов опубликована еще при жизни акына в сборнике «Киргизская (казахская – М.Г.) хрестоматия», составленным Я.Лютш /7/. В нем опубликованы дастаны «Ханым сыры» и «Қарақұл». Один из его дастанов «Сауда Ишан» издан отдельной книгой, некоторые состязания – айтысы Нуралы вошли в сборник «Айтыстар», ряд произведений акына опубликованы в сборниках «Дастаны», «Сауда Ишан», составленном А.Оспанулы /8/.

Тематика дастанов разнообразна, раскрывается в них хорошее и плохое в человеке, гуманизм и бессердечие, насилие и справедливость, богатство и бедность, друг и враг, жизнь и смерть правда и кривда, знание и невежество. Главная цель поэта – убедить читателя в том, что, в конечном счете, в борьбе между противоборствующими сторонами всегда побеждает

светлое, несущее жизнь и утверждение высоких нравственных и гуманистических принципов.

Прежде чем приступить к большой творческой работе, акын много занимается самосовершенствованием, расширяет свой кругозор и знания, изучает устное народное творчество – предания, сказки, эпосы и классическую литературу Востока.

Нуралы Нысанбайулы глубоко изучал древние письменные памятники и рукописные книги классиков Востока в подлинниках – арабском и персидском языках, что показывает его большое трудолюбие и разносторонность его деятельности. Поэтому в дастанах акына звучат мотивы казахского устного народного творчества и древнего Востока. Его интересуют сюжеты широко распространенных дастанов восточного цикла, создает свои дастаны на основе казахской действительности, продолжает узаконенную в восточной поэзии древнюю традицию «назира» – творческое использование тем и сюжетов известных ранее произведений.

М.О.Ауэзов писал так: «Есть традиция на Востоке, когда спетую каким-то классиком тему повторяет другой поэт следующего поколения, ведет повествование, сочиняет свежий дастан. Заимствование тем друг у друга было узаконено. Не повторяя полностью стихотворного текста, и в основном, свободно меняя его, исполняли легенды заново. Схожесть тем у различных акынов ни в коем случае нельзя считать переводом. Это по-своему заново исполненный, целый дастан или традиция поэтического состязания в стихотворчестве. Восточная поэзия эту традицию признала законной и назвала ее «назирой» или «назирагойлик» /9, 150/.

Исследуя традиции «назирагойлик», Н.Нысанбайулы на сюжет и мотивы восточной поэзии написал дастаны: «Сауда Ишан», «Жетім Құбыл» («Сирота Кубыл»), «Құлқаныс-Зеберше», «Қарақұл», «Ханым сыры» («Тайна Ханума»), «Шакир-Шакират», «Қарқабат».

Еще одно примечательное явление в истории восточных связей казахской литературы – это ее участие в разработке и развитии образа Кыдыра.

Кыдыр (Хизр) как таинственный помощник тех, кто попадает в беду, встречается в фольклорных произведениях многих народов Востока. О происхождении образа Кыдыра (Хизра) существуют разные мнения. В Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона о нем говорится следующее: «Хидр – полумифический герой иранского религиозного эпоса. Уловить историческую основу сказаний о Хидре невозможно, так как датировка его жизни почти так же неопределенна, как и время жизни Зороастра ... некоторые сказания соединяют Хидра с Александром Македонским, который играет значительную роль в эпосе персов под именем Искандера (см., например, в «Шах-наме» Фирдоуси). По другим, он современник персидского царя Фаридуна, прославившегося изгнанием арабов из Ирана. В религиозном отношении Хидр представляется носителем нравственного начала, он поддерживает и направляет людей на пути добродетели. Вероятно, поэтому особое почитание оказывали ему моряки, видевшие в нем бога – покровителя судоходства. Ему приписывалась вечная, никогда не приходящая юность. Имя его не утратилось и с распространением в Персии магометанства; среди магометан он стал известен под именем Хизра... Несмотря на семитское имя, образ Хидра как охранителя людей от зла, борца с мрачными силами, заставляет скорее предполагать арийское происхождение этого божества, как более согласующееся с дуалистическим характером его» /10/.

По мнению Бартольда, Хизр – домусульманский образ: «Легенды о Хызре носят явно немусульманский характер, хотя распространены только среди мусульман, и самое имя Хызра представителям других религий неизвестно. Хызр не назван и в Коране... В образе Хызра слились в одно целое легенды различных времен и народов, от вавилонского Гильгамеша до ветхозаветных Еноха и Ильи; с Ильей (по-арабски Ильяс) Хызр иногда сливается в одно лицо (отсюда Хадерильяс в «Ашик-Кериб» Лермонтова), иногда Хызра и Илью упоминают рядом, причем Илье приписывается власть над пустынями,

Хызру – над водами и культурными землями. Хызр являлся странникам и подвижникам чаще всего в образе старика, подвергал их испытанию и выводил их на прямой путь» /11, 59/.

Е. Бертельс в примечаниях к поэме Низами «Искандер-наме» пишет: «Хызр – вечно живой... знающий все таинственный помощник. Возможна связь легенды о Хызре с легендой об Агасфере... Хызр считается помощником тех, кто сбился с пути в степи или пустыне. Ильяс помогает путникам, гибнущим в море» /12, 60, 371, 379/.

Этой характеристике Хидра – Кыдыра соответствует образ Кыдыра в романтических дастанах «Жетім Құбыл» («Сирота Кубыл»), «Құлқаныс-Зеберше», «Сауда Ишан» Нуралы вводит образ распространенного в фольклоре и литературе ряда народов Востока легендарного Кыдыра – вечного скитальца, который приходит к людям на помощь. Описывается как с его волшебной помощью люди осуществляют мечту о благоденствии, о добре, счастье. Раньше в подобных описаниях, в образе Кыдыра порою видели только односторонние мысли, одностороннее рассмотрение сводило на нет идейно-художественное достоинство таких произведений и стало одной из причин, вообще, долгого умолчания об акыне. Объективный анализ дастана Нуралы показывает, что в его интерпретации Кыдыр не только традиционный вечный скиталец с доброй душой, но и обладатель таинственных свойств, он приходит на помощь людям тогда, когда героям на грани отчаяния трудно от всевозможных препятствий. Вечное стремление человека к счастливой жизни создало в воображении образ вселенского помощника, в данном случае, образ Кыдыра, так в нем есть вполне светский, а не религиозный смысл:

*Қазірет Қызыр кез болып,
Білдірді оған ілімді.
Мен – Қызыр болам, білгің, – деп
Үйретті ақпа ғылымды.
Менің атым – Себен қой
Жөнімді сұрап не етесің,
Көп ұзамай, шырағым,*

*Айтайын сөздің төтесін.
Саспағын, балам, сабыр қыл
Мұратыңа жетесің /13/*

Акын считает, что человек, несущий в себе зло сам по себе враг и страдает от него, привлекателен, сердечный, разумный человек – к нему идет свет. Разум, душевное богатство – качество умного, хорошего человека.

Так изложить свои мысли мог только тот человек, который хорошо знал и глубоко понимал социально-общественные процессы, происходящие в окружающей его среде, и эти слова отражают только истину.

В дастанах Нуралы основную поэтическую нагрузку несут монологи, диалоги, обращения, более современные в художественном отношении, чем повествовательная часть:

*Айналайын жаратқан,
Он сегіз мың әлемді
Құдіретімен таратқан.
Не пейіліммен айрылдым,
Жалғыз ағам Болаттан?
Сабыр берші ажалға,
Жазылған шығар азалда.
Жаңа ашылған гүл едім,
Ұрындым жастай қазанға.*

/8, 67/

В монологе мы видим душевное состояние Жанат: тут и слезы, и тоска, и надежды. Здесь Жанат просит помощи у Кыдыра, восхваляя Аллаха, как творца и спасителя. Осознавая необратимость хода жизни, появляется лирический герой Калдарша. Между ними происходит диалог, в котором Нуралы уделяет внимание душевному состоянию героини:

Жанат:

*- Кірген соң сөз сөйледім жан денеге,
Ойың бар, жігіт, сенің алденеге?
Ханбасын, қарамасың, төремсің.
Нөкерсіз айдалаға хан келе ме?*

Қалдарша:

*- Хан еді әкем Жұлдыз, өліп кеткен,
Онан соң хандық дәулет бізге жеткен.
Сілтеген ақ түйғыным мұнда қонып,
Жолықтым сізге, сұлу, сол себептен.*

/8, 72/

Кыдыр приходит на помощь тому, кто в беде, в горе. Тот, кому он покрови-

тельствует, обретает счастье, достигает исполнения желаний. Он же, охранитель невинных людей от зла и носитель светлого нравственного начала, направляет людей на путь добродетели.

Употребление формы Кыдыр в данном дастане, да и не только в ней, свидетельствует о том, что казахам был известен этот загадочный образ издавна.

В казахском дастане Кыдыр появляется в образе старика, что также существенно и отражает уважительное отношение казахов к пожилым людям, у казахов испокон веков утвердилось убеждение, что люди, прожившие долгую жизнь, – носители мудрости, поэтому достойны уважения.

Дастаны Нуралы Нысанбайулы были своеобразным откликом на запросы современного Нуралы общества. В этом плане обращение к восточным сюжетам явилось творческой находкой автора.

Н.Нысанбайулы – своеобразный оригинальный акын, внесший большой вклад в развитие жанра дастан конца XIX – начала XX столетий. В поэтической деятельности он сочетал хорошее знание духовной культуры родного народа со свободной ориентацией в языках, культуре и общественной мысли древнего Востока, которые умело, синтезировал и применил в дастанах. Н.Нысанбайулы, соединивший в себе две культуры – родной и восточной своим богатым поэтическим наследием вошел в историю казахской литературы.

1. Жирмунский В. Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса. – М., 1978.
2. Ауэзов М.О. Казахская литература и ее интернациональные связи. – Алма-Ата, 1973.
3. Ахметов З. Современное развитие и традиции казахской литературы. – Алма-Ата, 1978.
4. Сатпаева Ш.К. Казахская литература и Восток. – Алма-Ата, 1982.
5. Кумисбаев У.К. Казахские и персидско-арабские литературные связи XIX – XX вв. – Алма-Ата, 1989.
6. Ауэзов М.О. Собр. соч.: В 5-ти т. – М., 1975.
7. Лютш Я. Киргизская хрестоматия. Сборник образцов народной литературы киргиз Туркестанского края. – Ташкент, 1883.
8. Нуралы Нысанбайулы. Сауда Ишан. – Алматы, 1974.
9. Ауэзов М.О. Мысли разных лет. – Алма-Ата, 1961.
10. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. СПб., т. 73 - М., 1903.

11. Бартольд В. Ислам. – Пг., 1918.
 12. Низами. Искандер-наме /Пер. и ред. Е.Э.Бертельса/. – М., 1940.
 13. Қазақстан Республикасы Ғылым академиясы /ОҒК/-798-папка, /ӘӨИ/-259-папка.

Мақалада XIX ғасырдың соңы мен XX ғасырдың басындағы қазақ – шығыс

әдебиеттерінің байланыстары, жанрлық және тақырыптық ерекшеліктері зерттелінген.

The article focuses on the influence of the eastern motives on the creations of the South Kazakhstan akims (poets and singers) in the end of the XIXth - beginning of the XXth centuries.

Н. Парпиев

АРАБ ЕТІСТІК КАТЕГОРИЯСЫНА ҚАТЫСТЫ АТАУЛАРДЫҢ ҚАЗАҚШАЛАНУЫ

Қазіргі таңда қазақ халқының араб тіліне қызығушылығының нәтижесінде араб тілін оқыту жүйесі біршама жолға қойылды. Алайда араб тілін меңгеруге негізделген оқу үдерісінде араб грамматикасына қатысты терминдердің атауларын қазақша қалыптастыру қажеттілігі туды. Араб тіліне арналған қазақ тіліндегі алғашқы оқу құралдары негізінен орыс оқулықтарындағы грамматикалық терминдерді қазақшалап ұсынды. Бұл тұрғыда араб тілін оқушы қосымша орыс грамматикасының терминдерін меңгеруге мәжбүр-тін. Қазақ арабтанушыларының қатары көбейіп, оқулықтар жазылып, тарала түсуі ендігі грамматикалық терминдердің атауларын бір жүйеге келтіру талабын алға қойып отыр.

Жалпы термин дегеніміз, ғылым, техника, өнер саласындағы белгілі бір ұғымды нақты белгілейтін сөз не сөз тіркесі болып табылады. Терминді аударуда оның негізгі белгілері қатаң сақталуы тиіс: нақтылық, сәйкестік, бір мағыналылық. Сонымен қатар термин баламасының қысқалылығы оның ықшамдылығын белгілейді. Терминге балама табуда оның әуезді, яғни естілуі құлаққа жағымды, бөтен, ұнамсыз ассоциация тудыратындай болмауы қажет. Араб тілі грамматикасының терминдерін қазақшалауда мына мәселелерді ескеру қажет: араб тіліндегі грамматикалық терминдерді қазақ тілінде қолдану

аясының сәйкестігі, өзге тілдердегі терминдердің қазақ тіліндегі аудармасын білу, оқулық не оқу құралдарының авторлары не құрастырушылары қолданған терминдерді зерделеу. Осы мәселелерді ескере отырып, терминдерді аударудың мына түрлерін қолдану жөн:

1. Қазақ және араб категория атауларының толықтай сәйкес келетіндерін сол қалпында қалдыру. Мысалы зат есім, сын есім, жалғау, септік, етістік т.б.

2. Терминдердің мағынасына сай аудармасын беру, мысалы бос етістік, қосарланған етістік т.б.

3. Араб тіліндегі үлгісін сол күйінде қалдыру. Мысалы, масдар, нақыс етістік, хамзалы етістік т.б.

Алайда араб тілі мен қазақ тілі жүйесінің өзгешелігі кейбір терминдердің баламасын беруде қиындықтар туғызатыны сөзсіз. Осы мәселені қарастыруда араб тілінің етістік категориясына қатысты терминдерді нақтылай қарастырайық.

Араб етістігі «баптар» деген категорияға ие: «Араб тілінде баптар дегеніміз етістіктің алғашқы мағынасының өнімділігі мен бағыттылығы жағынан өзгергенін көрсететін ерекше құбылыстары» /1, 14/. Б.Тасымов бұл құбылыстардың атауына «бап» деген термин қолданады. Жалпы білім беретін мектепке арналған араб оқулықтарында баптар «туынды етістік» деп аталған.